

9. Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. 4-е изд. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1884.
10. Библиофил. Русско-польские отношения / Библиофил. Вильна : Тип. Сыркина, 1897.
11. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданских отношениях. М. : Наука, 1991.
12. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М. : Книга, 1989.
13. Погодин А.Л. Краткий очерк истории славян. М. : Г.А. Леман, 1915.
14. Фудель И. Наше дело в Северо-Западном крае. М. : Унив. тип., 1893.
15. Переписка с начальником почтово-телеграфных контор и отделений об обнаружении в письмах антиправительственных высказываний, использовании шрифта (ключа) для переводных телеграмм, порядке принятия на службу лиц польского происхождения, пресечении польской пропаганды и др. // Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 448. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–367.
16. Перапіска пракурора С.-Пецярбургскай судзебнай палаты і Галоўнага ўпраўлення па справах друку аб выданні на беларускай мове «Беларускіх апавяданняў» Мацея Бурачка (Ф. Багушэвіча) і «Дудкі беларускай» // Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва. Ф. 66. Воп. 1. Спр. 1000. Арк. 1–22. Коп.
17. Справа «Па прадстаўленню Віленскага Цэнзурнага камітэта аб рукапісу „Пана Тадэвуша“ А. Міцкевіча ў перакладзе на беларускую гаворку В. Марцінкевічам і аб распаўсюджанні забароны выкарыстоўваць польскі шрыфт да маларасійскай мовы і на гаворку беларускую» // Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва. Ф. 66. Воп. 1. Спр. 989. Арк. 1–53. Машынапіс. коп. з праўкамі.
18. Справа аб забароне друкаваць верш на беларускай мове «Праўдзівы расказ аб жыцці і смерці пяніцы» // Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва. Ф. 66. Воп. 1. Спр. 999. Арк. 1–5. Машынапіс. коп.
19. Собрание слов литовско-русского (белорусского) наречия. Рукопись с пометами И.И. Григоровича // Беларус. гос. арх.-музей лит. и искусства. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–52.
20. Хмельницкая Л.В. Эволюция взглядов А.П. Сапунова на проблему самоопределения белорусов // Русь – Литва – Беларусь: проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М. : Наследие, 1997. С. 120–131.

УДК 34(470)(09)

А.В. Вениосов

РОЛЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В СССР В 20-х гг. XX в.

Нормативный правовой акт (в различных видах) с первых дней установления советской власти являлся важным источником права. Нельзя сказать, что он был единственным. В период установления и упрочения советской власти вопросы законности хотя и вставали на повестку дня, но решались весьма медленно. В статье мы рассмотрим значение одного

из видов нормативных правовых актов – обязательных постановлений местных Советов. Тема интересна еще и тем, что административно-правовая деятельность милиции регламентировалась именно ими.

Впервые право местных Советов по изданию обязательных постановлений было регламентировано в Инструкции о правах и обязанностях Советов, принятой в декабре 1917 г. НКВД РСФСР. Этот документ впервые закрепил за Советами право принимать постановления и налагать административные взыскания за их невыполнение. Однако следует отметить, что здесь еще не содержались конкретные положения по этой деятельности. Так, в нем не был определен круг вопросов, по которым местные Советы могли издавать обязательные постановления, а также порядок наложения административных взысканий. Вполне понятно, что такое положение не способствовало наведению порядка в этой сфере.

Переход к НЭПу поставил на повестку дня вопрос о законности. Поэтому неслучайно уже 23 июня 1921 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О порядке наложения административных взысканий». В нем подтверждалось право президиумов исполкомов уездных Советов и коллегии отделов управления губернских Советов издавать обязательные постановления. Кроме того, здесь приводился перечень административных взысканий за их неисполнение. В этот перечень входили принудительные работы до одного месяца, штраф до 50 000 рублей, арест и некоторые другие. Важное значение этого декрета состояло в том, что он определял месячный срок, в течение которого возможно привлечение к административной ответственности. По истечении этого срока дело возбуждалось только в уголовном порядке. Принятие этого декрета следует рассматривать как первую попытку ограничения чрезвычайных полномочий, которые были предоставлены правоохранительным органам в период гражданской войны.

Однако указанному нормативному акту, как и большинству других, принятых в этот период, была присуща фрагментарность, что приводило к серьезным затруднениям при его реализации. Поэтому 27 июля 1922 г. ВЦИК и СНК приняли Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке. В нем было дано определение обязательного постановления, оговорены права исполкомов губернских и уездных Советов по наложению административных взысканий в виде штрафа не свыше 50 000 рублей (дензнаками 1922 г.) и принудительных работ до трех месяцев.

Должностным лицом в случае нарушения обязательного постановления составлялся протокол, который представлялся в уездный или гу-

бернский отдел управления исполкома, где на его основании выносились постановления о наложении административного взыскания.

Положение впервые вводило годичный срок действия обязательных постановлений. Следовательно, если при издании обязательного постановления исполком не указывал срок его действия, по истечении года оно автоматически теряло силу.

Исполкомы местных Советов на основании указанного положения издавали обязательные постановления по различным вопросам, в том числе и по охране общественного порядка. Законотворческая деятельность местных Советов позволяла быстрее реагировать на складывающуюся обстановку и эффективнее бороться с правонарушениями с помощью административных мер.

Важное значение в укреплении административно-правовой охраны общественного порядка имело принятие в 1924 г. инструкции НКВД РСФСР «О взыскании штрафов, налагаемых в административном порядке за неисполнение отдельных обязательных постановлений губернских и уездных исполкомов, издаваемых на основании декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июля 1922 г.».

Следовательно, положение от 27 июля 1922 г. и инструкцию по его применению можно рассматривать как правовую основу административно-правовой охраны общественного порядка, осуществляемой органами милиции. На основании этих нормативных актов милиция боролась с различными видами правонарушений. Однако положение от 27 июля 1922 г. не предоставляло право принимать обязательные постановления волостным и городским Советам. Два года НКВД РСФСР инициировал этот вопрос перед СНК РСФСР. НКВД РСФСР полагал, что на волостном уровне можно быстрее реагировать на различные административные проступки. Однако волостные исполкомы получили это право только 16 октября 1924 г., когда было принято Положение о волостных съездах и волостных исполнительных Советах.

Осуществление на практике новых полномочий существенно затруднялось тем, что в положении от 16 октября 1924 г. не были указаны вопросы, по которым волостные исполкомы могли издавать обязательные постановления, порядок их издания, размер налагаемых за их нарушение административных взысканий. Поэтому многие исполкомы, не имея достаточных указаний о порядке реализации предоставленных прав, стали использовать принципы, заложенные в положении от 27 июля 1922 г. Они тем самым приравнивали себя в административных правах к губернским и уездным исполкомам. Отсутствие четких требований к обязательным постановлениям, а также низкий образовательный уровень работников

волостных и уездных исполкомов явились катализатором появившихся в ряде мест фактов административного произвола. Некоторые местные Советы, особенно волостные, при наложении административных взысканий часто выходили за пределы своей компетенции. Отдельные из них путем издания большого количества обязательных постановлений даже пытались подробно регламентировать личную жизнь граждан: запрещали вступать в брак до уплаты сельхозналога, ходить по улице с 8 часов вечера до 6 часов утра, мыть полы в доме только с мылом и т. д. За неисполнение подобных обязательных постановлений устанавливалась очень серьезная ответственность, что, естественно, порождало недовольство среди местного населения.

Указанные недостатки ВЦИК и СНК РСФСР попытались ликвидировать принятием 6 апреля 1925 г. специального декрета, устанавливающего в масштабе всей страны единые правила издания волостными и районными исполкомами обязательных постановлений и наложения за их нарушение административных санкций.

Таким образом, в первой половине 20-х гг. XX в. происходит становление административно-правовой охраны общественного порядка, которая вылилась в одно из главных направлений работы милиции. Правовыми основами этой деятельности являлись обязательные постановления, издаваемые местными Советами. Как видно, практика принятия этих нормативных актов сложилась не сразу и получила развитие под влиянием деятельности милиции по их реализации.

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕТЯХ (1941–1953 гг.)

В становлении системы государственного законодательства СССР, касающегося сегмента ювенильного права, огромное место занимают нормативные правовые акты периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия. В данной статье термин «система права» рассматривается в широком смысле – как комплекс законов и подзаконных нормативных правовых актов. Период интересен тем, что с 1941 г. и до начала 50-х гг. в результате огромной и напряженной законотворческой и правоприменительной деятельности уполномоченных органов в стране в основном были ликвидированы тягостные послед-